

детектив – событие

Евгения Михайлова

ПО ОСКОЛКАМ РАЗБИТОГО ЗЕРКАЛА

Детектив-событие

Евгения Михайлова

По осколкам разбитого зеркала

«ЭКСМО»

2019

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Михайлова Е.

По осколкам разбитого зеркала / Е. Михайлова — «Эксмо»,
2019 — (Детектив-событие)

ISBN 978-5-04-100269-5

Катя отчаянно влюбилась в Егора, но у него жена, дочь и нет желания менять привычную жизнь даже ради идеальной женщины... Лиля неразумно согласилась защищать клиента, который может погубить и себя, и репутацию начинающего адвоката... Лена опрометчиво приняла помощь милого незнакомца, который теперь преследует ее, превращая жизнь девушки в настоящий кошмар... Удержаться на плаву, выбраться на свет и даже найти новые берега героиням остросюжетных рассказов Евгении Михайловой помогает решительное желание стать хозяйкой собственной судьбы.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-100269-5

© Михайлова Е., 2019
© Эксмо, 2019

Содержание

Егор и Катя	6
Катя	7
Егор	9
Катя	10
Егор	11
Катя	13
Егор	15
Катя	16
Егор	18
Нет повести печальнее	20
Страницы итога	23
Воровка	24
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Евгения Михайлова

По осколкам разбитого зеркала

© Михайлова Е., 2019

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

* * *

Персонажи и события вымышленные. Все совпадения с реальными фактами случайны.

Егор и Катя

Варна кружила головы солнцем, терпкими ароматами, яркими красками, легким хмелем вкусного вина. Море томно и глубоко дышало, по ночам лаская босые ступни Кати и Егора.

«Это какое-то открытие, – думала Катя. – Просто чудо. Обычный мужик, которого я не раз видела в нашем Курске, – неглупый, но нудный, симпатичный, но толстый, – вдруг оказался прекрасным принцем из сказки. Из строгой современной сказки, в которой побеждают только настоящий талант и редкое обаяние. А мужская сила и непреодолимое сексуальное притяжение – для меня не просто открытие, это прорыв в неизвестную область страсти. Это начало другой жизни. Я ведь так разборчива, мой опыт – разочарования, отторжения, пустота после того, что на мгновение показалось главной встречей».

Егор, вернувшись на рассвете в свой номер, долго курил на балконе.

– Удивительно, – думал он. – Дома мне даже в голову не приходило взглянуть на Катю как на женщину. Она была неплохим товарищем по нашему литературному объединению, отдушине для дилетантов, которые по жизни заняты серьезным и тяжелым, иногда изнурительным трудом. Общительный, приветливый, но ограниченный и закомплексованный преподаватель математики, которого удобнее всего определять именно так – в мужском роде. Это, возможно, требование профессии, не позволяющей будить ненужные эмоции и желания в разнополой аудитории, отвлекать от сути предмета и цели контакта. У меня примерно такая же ситуация. У врача нет пола в отношениях с пациентами, нет человеческих слабостей и пристрастий. Если это хороший врач. Я именно такой. И вдруг здесь, на этом несерьезном и смешном конкурсе, больше похожем на праздник и развлечение, мне открылась чудесная женщина. Катя оказалась нежной и трепетной. Яркой, забавной, смешливой и искренней, как ребенок. Здесь, на свободе от своих обязанностей, обязательств и условностей, она отпустила в себе редкую чувственность, прекрасную эмоциональность. Ей понятны музыка и поэзия души, что делает нашу внезапно вспыхнувшую страсть не заземленной, не пошлой, не физиологически примитивной. Это слияние мужчины и женщины, назначенных друг другу судьбой и ею же разделенных для того, чтобы осталось от встречи лишь представление об идеале. О прекрасном, недостижимом, утраченном идеале. Да, я в одном уверен. То, что началось здесь, стало прелестным сном – забвением для обоих, здесь и закончится. Любое продолжение – в другом освещении, месте и в иных обстоятельствах – станет самой большой ошибкой».

Катя

Мы попрощались с Егором в Варне. Он улетал на день раньше всех: торопился на важный консилиум. Машина должна была приехать за ним к гостинице в шесть утра. И мы с вечера не расставались. Ужинали в ресторане под открытым небом, там неплохая певица пела томительные, страстно-горькие южные песни на болгарском языке. Мне было хорошо, радостно и печально. Я думала, что мы завтра больше не будем свободными и неразлучными, и в глазах закипали слезы. Я не вытирала их. Просто смотрела в лицо Егора, в его милое, доброе, такое мужское лицо, и знала, что он читает мой взгляд. И правильно все понимает. Мое чувство, благодарность и грусть не выскажешь словами. Пусть так и запомнит мои глаза – в пелене горячих слез. Пусть увидит в них мое сердце. Наверное, Егор найдет прекрасные слова, чтобы описать прощальную сцену возлюбленных в стихотворении.

Я представляла себе, как мы встретимся в Курске на тайной квартире, которую он, конечно, снимет для наших встреч. Как он будет читать эти стихи, как мы будем пить болгарское вино и вспоминать наши удивительные, безмятежные дни. Их было всего три. А кажется, будто счастье длилось вечность, которая пролетела, как мгновение. Я понимала, что дальше будет очень трудно: у меня муж, у него жена и дочь. Но мы вынесем все испытания, постараемся никого особенно не ранить. И, конечно, будем вместе. И однажды вернемся сюда, уже окончательно свободные и безмятежные.

После ужина мы долго гуляли по берегу, кромке моря. Обнимались, целовались так горячо, что ночью мое сердце наполнялось солнцем. Темным золотом нашей любви. Потом мы тихонько пробрались в мой номер. Провели там два блаженных часа. Там и простились на рассвете.

Я смотрела в окно, как он выходит с сумкой через плечо – крупный, основательный, сильный и непреодолимо притягательный. Как садится в машину. Уехал. Грусть моя была светлой и полной надежд. Я долго не могла уснуть. Читала, что-то писала на клочке бумаги. Пила кофе, смотрела с балкона на небо в звездах. Утром начала сладко засыпать и вдруг вспомнила одну фразу Егора. Он нежно меня поцеловал в последний раз и произнес:

– Я никогда не забуду этот яркий кусочек моей сложной и довольно безрадостной жизни. Я буду дальше жить с образом прекрасной и щедрой женщины в душе. И знать, что за три дня мы с ней прожили нашу удивительную судьбу.

Тогда я подумала лишь о том, какие красивые слова он умеет найти, какой он необыкновенный человек. И только утром вздрогнула:

– О чем он сказал? Это, случайно, не о том, что мы больше не будем встречаться?

В самолете я была уже вся на нервах. Потом успокоила себя. Нужно только терпение. Приведу себя дома в порядок и начну ждать. Егор, конечно, позвонит, хотя ничего об этом не сказал. Но будут же заседания в нашем литературном объединении. Он знает, что мы встретимся. Конечно, он позвонит не сразу: нужно многое решить. Найти место для встреч, придумать возможность нам обоим сбежать туда, наверное, сначала днем, чтобы домашние ничего не заподозрили. Потом постепенно всех приучать, увеличивать время, оставаться на ночь. И наступит момент, когда наши семьи станут просто формальностью. И мы все решим деликатно и четко, с неотвратимой математической логикой. Я уверена в том, что любые страсти можно уложить в строгие рамки нужного решения.

Домой я приехала днем, когда муж был на работе, мама на даче. Сбросила дорожную одежду и долго смотрела в ванной на свое отражение. Я очень строга к себе. Ненавижу собственные уродства: там складки, там жир, грудь слишком маленькая и вялая. Талия, живот, бедра, ноги – все требует подкачки. Лицо – отдельная драма. Отеки, морщины, кожа... У меня никогда не было стимула для тренажерных залов и косметических кабинетов. Да, дело именно

в стимуле, время можно всегда найти. И я найду его. Но и так я вижу себя другой. Тело налилось теплом, в крови бродит его желание и мой ответ на него, именно это делает кожу нежной и золотистой. Мои вечно усталые, раздраженные глаза смотрят томно и нежно. Я увидела женщину, которая достойна любви редкого, единственного мужчины.

Егор

Провалился в работу, в будничные заботы, тягостные в меньшей или большей степени. Три дня болгарского отдыха сразу отодвинулись в тень воспоминаний, далеких от реальной жизни. Мешали физические ощущения акклиматизации: днем хотелось спать, ночью мучила бессонница. Для хирурга, который стоит у стола в железном режиме, это большая проблема. Я и не заметил, как пролетела неделя, затем вторая. И только сейчас, прикинув по календарю, сколько времени прошло после Варны, я вспомнил Катю. Не мельком, не как факт, не как знакомую, которой некогда даже позвонить. А как ту женщину, с которой провел, возможно, самые упоительные дни в своей жизни. Сейчас точно не скажу, не сыграли ли в этом чуде решающую роль самые объяснимые факторы. Кусочек отдыха и свободы после многих лет каторжного труда без отпуска, без возможности расслабиться. После трудного быта, скудной, сырой погоды круглый год, серого неба. После простуд, которые постоянно мучают ребенка. Я очень болезненно реагирую на минимальные страдания моей девочки. Тот случай, когда абсолютно не срабатывает мой профессиональный иммунитет к чужой боли.

Сегодня вечером я наконец крепко уснул. Проснулся среди ночи, отдохнувший, с ясной головой. И вспомнил Катю. Хорошо так, по-доброму, светло вспомнил ее человеческую легкость, доверчивость, искренность. В моей жизни не было места такому общению. Я сторонник четких, ограниченных, мотивированных и целесообразных контактов с другими людьми. Они не должны мешать, раздражать, отвлекать меня от главного, отнимать время и, не дай бог, эмоции. Признаюсь: такие отношения даже у нас с женой. Мы пришли к этому по умолчанию. Света оставила работу, когда родилась Лера. И создала для себя круг общения. Это приятельницы примерно одного с ней образа жизни и статуса. То есть неработающие женщины определенного достатка. Они все редко видят мужей, как и Света. И компенсируют друг другу дефицит общения в полной мере. Со мной жена делится в основном позитивными новостями. Там, в ее кружке, какой-то культ «позитивного общения». Они обмениваются способами и методиками делать радость из ничего. Меня эта глупость не беспокоит. Бывает хуже.

Я вспомнил Катю очень близко, даже горячо. Встал, налил на кухне стакан холодного пива и вышел на балкон. До Варны Катя никогда не казалась мне красивой. А там... Там она оказалась гораздо больше, чем красивой. Ее светло-карие глаза казались темно-золотыми. Это был не только отблеск солнца. То была богатая внутренняя жизнь, которая находила самые прелестные выражения. Губы расцветали в нежной, ласкающей улыбке. Между тонкими бровями пряталась глубокая мысль. Руки находили меня для прикосновения естественно и по-детски чисто. И отдавалась она мне не как опытная женщина и не как изголодавшийся и разговевшийся синий чулок. Она дарила мне себя со щедростью и откровенностью языческой богини. Была немногословна, но умела выразить чувство именно так, как я хотел, как способен услышать. И это особое открытие. Катя, неловкий и неумелый графоман в своих литературных упражнениях, оказалась талантливым литератором именно в любви. Ее женская, богатая суть отобрала и сохранила драгоценные слова только для одного мужчины, только для нужного мгновения.

Не знаю, странно ли это. Но я, так подробно и ярко вспоминая Катю, не испытал желания увидеться с ней в нашей обычной, будничной жизни. Она стала символом праздника, которому тайна и нарушенные запреты придавали особую чувственность и остроту. Будни могут убить все, даже воспоминания. А я этого не хотел бы.

Катя

Я ждала звонка Егора две недели. В Болгарии сама забила ему в контакты свой мобильный, домашний и рабочий телефоны. Звонка не было. Наверное, навалилась работа. Но вообще-то послать эсмэску из трех слов времени не требует. Но такой он человек – цельный и серьезный. Ему, конечно, нужно все как следует осмыслить и принять самые верные решения.

Наконец я не выдержала. Позвонила в больницу. Просто спросила, работает ли Егор Васильевич Коренев. Мне ответили, что да. Прямой телефон отказались дать. Но я бы и не хотела пока проявляться, как-то наседать. Решила занять себя полезными делами. Записалась на фитнес и в бассейн, на курс процедур в косметическом салоне. Покрасила волосы в красивый золотисто-каштановый оттенок, сделала стильную стрижку. На работе все как обычно. С мужем – как всегда. Привет. Ты в порядке? Что завтра приготовить на обед? Витя мне обрадовался. По-своему. Даже разок исполнил супружеский долг. И мы опять вписались в семейные вечера: я с тетрадками и за компьютером, он у телевизора с банкой пива.

В календаре у меня отмечен день следующего заседания нашего объединения. Попыталась написать к нему что-то красивое по мотивам встречи в Варне. Напечатала только название: «Встреча в Варне», нашла к эссе прелестный рисунок: море, ночь, след луны и два силуэта – мужской и женский. Они стоят рядом, протянули друг к другу руки, но не коснулись. Как будто вместе держат кусочек воздуха, который стал общим для двоих. Но не смогла написать ни слова, хотя обычно пишу быстро и легко. Задумалась: в чем дело? Да вот в чем: я должна знать, что это у меня есть. Я слишком мало получала от жизни подарков, чтобы лелеять радость от одного воспоминания. Нет, я живой, страстный и нетерпеливый человек. И я чувствую в себе силы не выпустить из рук то, что кажется мне главным женским шансом и успехом.

На заседание я пришла первой и ушла последней. Все надеялась, что Егор опоздал, но придет. Не явился, не дал о себе знать. И я перестала ощущать то, что мне казалось крепкой связью наших сердец. Домой плелась как списанная кляча.

К вечеру решила: набрала номер его мобильного. Не отвечает. Но я же у него определилась. Он может быть на операции, потом перезвонит. Ждала до поздней ночи, потом уже нет никаких операций. Набрала его номер – телефон вне доступа. Тоже можно понять: устал, пришел домой, выключил телефон, чтобы не мешали.

На следующий день я позвонила восемь раз. Послала СМС: «Ты пропал. Беспokoюсь. Ответь на звонок. Твоя Катя. Очень скучаю». Меня сделал бы счастливой такой короткий ответ: «Я тоже. Занят, потом позвоню». Но ответа не было. Еще раз спросила в больнице, работает ли Коренев. Работает. Вечером набрала домашний номер. Ответил женский голос, я положила трубку. Позже ответил детский голос. Я сказала: «Извините, ошиблась». Что же делать? Для того чтобы встретить Егора в одном городе, где мы и живем недалеко друг от друга – пешком можно добежать, – нужно сторожить у больницы или у его подъезда с ночи до утра или с вечера до ночи. А у меня работа, муж как-никак. Но, в принципе, это не исключено.

Ночью провалилась в тяжелый сон, чувствовала такую же потерянность, как наяву. А потом мне приснилось, что пришел ответ от Егора. Я слышала звук уведомления моего телефона, потом увидела четко этот текст: «Я тоже. Занят. Потом позвоню». Вскочила в поту, схватила с тумбочки телефон, а там ничего...

Егор

То, что произошло, – неожиданно и крайне неприятно. Несколько дней я работал, пытался думать и заниматься делами под непрерывные телефонные бомбардировки Кати. Я могу отключать телефон только на время операций. Мне постоянно звонят люди по очень важным, иногда неотложным вопросам. Есть категория пациентов, которым я даю свой мобильный. Это послеоперационные больные, чье состояние нестабильно, в любой момент может понадобиться моя помощь или совет. Мне звонят из клиник и детских учреждений, в которых я консультирую. Я никому не должен это объяснять. Я не хочу кому-либо это все говорить в качестве какого-то оправдания. Я встречался с женщиной, когда имел такое желание и возможность. Сейчас другая ситуация. Я обязан докладывать? Но это лишает смысла нашу якобы праздничную встречу якобы свободных людей. Возникает какая-то противоположность. Я четко это понял, когда начались звонки на домашний телефон. Никогда не приходило в голову секретить свой домашний номер: мало ли кому я могу понадобиться. Любой может найти мой номер по адресу в телефонном интернет-справочнике. У нас так принято: дома трубку всегда берут жена или дочь. Если меня и явно что-то важное, зовут. Я не всегда подхожу даже на звонки старых приятелей, которые просто хотят поболтать. Вечером я слишком выжат, не в состоянии поддерживать праздную беседу ни о чем. И вдруг странные звонки: подходит жена – бросают трубку. Подходит Лера – ей говорят, что не туда попали. Так было уже много раз. Лера говорит, голос женский. Кроме Кати, некому. Я чувствую, что это она, по истеричному дозвону. Если трубку не берут, звонят подряд раз пять-десять. А потом или бросают трубку, или не туда попали. Разумеется, это она, женщина, которая казалась мне умной, чуткой, все понимающей. Целых три дня казалась.

Да, наверное, было не очень умно надеяться, что Катя все поняла еще в Варне при прощании. Я вроде выразился так, что точнее не бывает. Мы оставим все в ранге прекрасного воспоминания. Пусть будет у нас поэтический идеал, отобранный судьбой у реальной жизни. То, что она не просто не поняла, она не приняла это агрессивно, стало для меня настоящим стрессом. Я раздражен, встревожен, я чувствую бесконечное отторжение от такой модели отношений. Меня как будто к стенке пытаются поставить. Остался один шанс, совсем маленький. Я вступлю в контакт, но выразусь так сухо, коротко и без надежды на изменение, что не понять она не сможет. И я отправил Кате такой текст: «Я работаю. Без пауз. Меня ждут больные». Все. Никаких обещаний, с одной стороны, резко не посылаю – с другой. Но яснее не бывает. Ответа от нее не последовало, и я успокоился. Если Катя оскорбилась, это только к лучшему. Это оказалось моей иллюзией – надежда на спокойное и элегическое прощание с женщиной после короткого милого эпизода. Расставаться с иллюзиями полезно всегда.

Вечером выхожу из больницы: простоял у стола восемь напряженных часов, спина деревянная, в коленях дрожь, в пальцах ломота. Пытаюсь закурить, не могу справиться с новой зажигалкой. И вдруг из темноты мне на грудь бросается Катя. Со слезами, причитаниями, упреками и рассказами о своих муках.

Опущу эту отвратительную сцену. Она претит мне как интеллигентному, сдержанному человеку, для которого всякий показной надрыв – это фальшь и пошлость. Я не выношу такую безвкусицу даже в книгах, сразу бросаю читать. Как она может? Какой-никакой литератор. Ей на конкурсе дали поощрительный приз.

А дальше совсем ужас. Мне трудно это объяснить самому себе, но она вырвала у меня обещание встречи. Она уверена, что я должен найти какое-то место именно для интимных свиданий. Я не мог больше участвовать в этом безобразии, я боялся нечаянным словом спровоцировать еще более отвратительный взрыв. Двор больницы, окно нашего отделения выходит именно сюда. Но есть еще кое-что, конечно. Мне оказалось тяжело, почти невозможно причи-

нить ей слишком резкую боль. Она неизменно отзывалась бы и во мне, а я не могу себе позволить такого растрепанного состояния. И я сказал:

– Хорошо. Я что-то придумаю. Позвоню дня через три.

Катя

Сумасшедший я все-таки человек. Так накрутила себя, что почти пришла к мысли о том, что Егор от меня сознательно скрывается. Готова была выть и грызть зубами стену. А потом просто подождала пару часиков во дворе больницы, встретила, обняла, сразу все ему выпалила... Он, конечно, очень сдержанный, неразговорчивый – настоящий мужчина. Но я сразу научилась читать его выражения, жесты и даже дыхание. Он был удивлен и потрясен. Он так провалился в свои дела, что даже забыл, как это у нас бывает. Какое упоение дают нам наши прикосновения. Я с восторгом вдыхала его запах, ощущала его тепло. И я чувствовала, что он изо всех сил пытается подавить, скрыть свою страсть во дворе этой чертовой больницы.

Я заметила, что он немного растерялся, когда я спросила, решил ли он вопрос с квартирой для наших встреч. Отлично понимаю его и в этом. Егор – удивительно порядочный, ответственный человек. Возвратившись домой из Варны, он, конечно, в первую очередь думал, как смягчить удар для семьи. Это вопрос не дня, не недели и даже не месяцев. Но, увидев меня, он наверняка понял, что мы не должны терять друг друга из виду, разрывать нашу связь даже в такое трудное время. Самое прекрасное в общении с таким человеком то, что он все понимает без слов. Короче, он сказал, что все решит и позвонит через три дня. На этот раз я была совершенно спокойна. Раз Егор обозначил срок, значит, он его не нарушит.

И да! Егор позвонил ровно через три дня вечером и сказал, что заедет за мной на следующий день, в пять часов, у него как раз день без операций. Договорились, что он подхватит меня в квартале от моего дома, у магазина «Продукты».

На следующий день я отменила дополнительные занятия, прибежала домой из школы в два часа дня. И сразу стала собираться. Помыла голову, уложила феном. Два часа сидела за макияжным столом, добиваясь совершенного и естественного эффекта. Капелька теней темного золота, золотистая помада сделали мое лицо ярким и праздничным. У меня обычные черты лица, часто они даже причиняют мне разочарование. Но я нашла способы выделить и зажечь свои глаза приятного карего цвета. И сделать акцент на губах, которые только от такой помады кажутся зовущими, нежными и страстными. Белье для такого случая я купила еще в Варне. Дорогое, скромное, эротичное и благородное. Никаких кружавчиков, финтифлюшек, похабных разрезов. Тело сбрызнула парфюмерной дымкой от Шанель. Это даже не запах, а намек, тень аромата. Надела желтую блузку мужского покроя из натурального шелка, брюки цвета хаки с защипами у талии, кожаный ремень. Коричневые лодочки на маленьком каблучке. Серьги и кулон с золотистым топазом. И духи «j'adore». Я их обожаю. Конечно, многие думают, что это духи для вечернего платья, открытого, сексуального, женственного. А я считаю, что самый лучший эффект – в сочетании контрастов. Страстный, женственный аромат и костюм-унисекс. В своем вкусе я уверена.

Егор приехал минута в минуту, я скользнула в его машину. Через полчаса он уже открывал дверь чужой квартиры в пятиэтажке на окраине. Чужой противный запах, бедная мебель, но, к счастью, чистое белье на кровати. Но все это для нас через минуту не имело значения. Все вернулось! Чудо было опять с нами. Без моря, солнца, луны. Без свободы. Как хорошо, что он решился. Что он понял: свобода, солнце и даже море – все это есть только в нашем объятии. Оно не зависит ни от чего.

Егор так торопился на свидание, что даже не подумал купить бутылку вина и какой-то закуски. Но нам и не нужно было ничего. Так мы истосковались. Так изголодались. Он почти не говорил, таким сильным было потрясение. А я не стала держать в себе те слова, которые рвались из души. В момент высшего блаженства я даже заплакала.

Обратный путь я почти не помню. Егор не назначил день следующей встречи. Дело в том, что эта квартира приятеля подвернулась случайно, на один раз. Другое место нужно искать.

Я теперь знаю, что его торопить не нужно. Но если мне станет невмоготу, я всегда его найду. Он поймет и обрадуется.

Прежде, чем вернуться домой, я зашла в магазин и купила бутылку красного болгарского вина и тайские манго. Дома не захотелось переодеваться и смывать макияж. Так я и сидела за столом, красивая, утомленная любовью, выпитая и не утолившая жажду. Медленно пила вино и думала о том, что теперь ко мне вернулись слова, которые я смогу оставить на бумаге. Вошел муж Витя. Взглянул на меня мельком, уставился на бутылку.

– Я ничего не пропустил? У нас праздник?

– Да. Я придумала красивый рассказ. О любви.

Егор

Это было ужасно. Я не могу избавиться от чувства неловкости, нечистоты, обмана поговору, в котором я против воли поучаствовал. Самый примитивный сценарий супружеской измены. Чужая, отвратительная квартира, набитая интимными подробностями незнакомых людей. Катя, нарядная, даже шикарно одетая, накрашенная и благоухающая хорошими и настолько неуместными духами. Я помню запах наших встреч в Варне. Запах моря, листвы, цветов. Чистого, горячего женского тела. Запах преданности и искренности. Я не узнавал ничего. Женщина, которая объективно выглядела очень хорошо, пахла еще лучше, ничего во мне не будила с начала свидания. А потом по минутам стало нарастать отторжение, и я ничего с этим поделать не мог.

В постели Катя говорила с ненатуральными придыханиями исключительно не те слова. Слишком подготовленные, слишком манерные, как и ее гипертрофированные эмоции. Наша близость была моим насилием над собой. После оргазма Катя театрально разрыдалась. Мне захотелось бежать, на ходу натягивая брюки. Но я вынес и наше неискреннее прощание, и ее вздорные планы на будущее. Я собирался с духом всю дорогу до ее дома. И, перед тем, как высадить ее, произнес:

– Ты очень красивая сегодня. Я рад, что мы так хорошо помянули наши дни в Варне. Но жизнь продолжается. Наши жизни продолжают. Наши сложные, до предела укомплектованные жизни, которым не суждено пересечься.

Да, мне не хватило мужества сказать грубо: это все, Катя. Больше никогда и ни за что. Но она ведь начитанный, чувствующий человек. Мы только что были близки. Она плакала. Короче, я хотел проститься красиво, если можно так выразиться. В ответ она бросилась мне на грудь, целовала. За что-то благодарила. Я с трудом взглянул ей в глаза, и меня поразила страшная догадка. Она ничего не поняла! Я переоценил не только ее женскую притягательность, но и элементарную сообразительность. Но было уже поздно, стоять так близко от ее дома я больше не мог. Открыл ей дверь и не вышел помочь.

Того, что происходило дальше, я не смог бы предвидеть в самых мрачных прогнозах. Небо обрушилось на меня. Наказание ни в какой мере не соответствовало тяжести преступления. Если мимолетная влюбленность для кого-то еще, кроме меня, может считаться преступлением.

Катя

Что-то странное. Прошло уже две недели, а от Егора ни звука. Понимаю: снять постоянную квартиру для встреч, в которой не живут хозяева, а я именно такой вариант хочу, не так просто. Даже тяжело. Но позвонить же можно? Прислать два слова СМС? После того, что между нами было уже здесь, в Курске, это как-то не очень порядочно. При всем моем понимании его ситуации. Мы же близкие, родные люди, почему такая небрежность? Такое невнимание к женщине, которая подарила любовь, преданность и поддержку во всем, даже в самых сложных и пикантных ситуациях, каких не может не быть у женатого мужчины. Я позвонила ему за все время несколько раз, как всегда, безуспешно. Потом провела бессонную ночь, вспоминая и анализируя все, что было в тот день. До слова, до вздоха и взгляда. Да, он любит, в этом у меня не было сомнений. Но что он опять сказал при расставании? Тогда мне показалось это просто красивым оборотом, что-то похожее на его стихи, они у него всегда пессимистичные. «Помянули дни в Варне», «жизням, которым не суждено пересечься»... Это характерные для Егора обороты. Но и я не последний литератор. Понимаю, что помянуть и вспомнить – не одно и то же. С другой стороны, те дни действительно никогда не вернуться. Мы там были еще чужими людьми, которые вдруг нашли и оценили друг друга. Отныне мы всегда будем в другом качестве. Мы – союз, тайный или явный, это уже не суть. Но почему жизням «не суждено пересечься»? Я напряженно, до ломоты в висках думала об этом. И, кажется, поняла. Нашла причину. Это страх мирного, домашнего человека, который не находит в себе сил причинить боль формальной семье. Это признак личности, которая находится под гнетущим давлением другого человека. Самые сильные и независимые духом мужчины становятся нерешительными под игом законной жены. Я уверена в том, что Егор до меня не изменял жене. Он мог пойти на такое только во имя очень большого чувства. Но это же и значит, что он больше не одинок ни в своих желаниях, ни в борьбе за них. Я рядом. Как же ты этого не понимаешь, дурачок.

Утром я поискала все, что могла, на его жену. Светлана Ильинична Коренева. Есть альбомы в соцсетях. Там фотографии дочери Леры, Егора, ее самой. Брюнетка с большими глазами чуть навывкате, крупным носом, в профиль с горбинкой. Такой профиль принято называть благородным. Мне это иногда нравится. Но когда человек антипатичен, я говорю проще: нос крючком, как у Бабы-яги. Светлана Коренева вызвала во мне жгучий протест. И дело не в моем отношении к ее мужу. Это чисто интуитивное. Я почувствовала, что она опасный, тяжелый и, возможно, непорядочный человек. И сразу прошло мое раздражение из-за того, что Егор не звонит. Он поработан, он просто не хочет делиться со мной проблемами, тяжелым настроением. Может, жена что-то узнала? Может, она его уже пилит и чем-то пугает... Все возможно. Как я порадовалась, что не позвонила любимому, не встретила, не предъявила претензии. Не поступила, как она. Пусть он видит разницу. Я – не могильная плита брака без любви. Я – опора, помощник, советчик.

В четверг у меня нет уроков. Я надела джинсы, темную футболку с длинными рукавами, большие черные очки, бейсболку, которую натянула до бровей. И в таком виде погуляла днем у их дома. Нормально провела несколько часов. Сидела на скамейке во дворе, писала в планшете очередную «мульку», как я называю свои миниатюры, гуляла вокруг дома. И Светлана наконец вышла из их пятого подъезда и направилась в ближайший магазин. Я дошла за ней туда, дождалась, пока она выйдет, и так же, на расстоянии, проводила обратно. Шла впритык до самого подъезда. А там меня ждала удача. У них не домофон, а допотопный кодовый замок. То есть один код для всего подъезда. Я подождала, пока она войдет. Потом еще походила рядом. Когда из подъезда вышла старушка с палочкой, обратилась к ней:

– Извините, мне нужна ваша помощь. Я представитель органов опеки. Хожу по квартирам, рассказываю людям, какие новые льготы они могут получить. Например, по инвалидности. Потеряла бумажку с кодом вашего подъезда, не подскажете?

Бабка радостно продиктовала код и потребовала от меня, чтобы я обязательно дождалась, когда она вернется, и пришла в ее квартиру сорок пять рассказать о льготах. Без вопросов. Конечно. Хорошо квартирным ворами с такой доверчивой публикой.

Я, разумеется, знала номер квартиры Егора: еще в Варне посмотрела в его паспорте штамп регистрации. Но сейчас пока не готова нанести визит Светлане Ильиничне Кореневой. Приду к ней во всеоружии. И нужно точно узнать, когда у Егора длинная операция. Лучше без него. Я уже стараюсь избавлять его от неприятностей.

Егор

Вернулся домой в десять вечера. День прошел ужасно. Две тяжелейшие операции, последние силы и нервы отняли проблемы с оборудованием и препаратами. Легче оказалось плюнуть и съездить в одну частную дорогую аптеку и купить все, что нужно, для послеоперационных бесплатников. Они поступают к нам в таком состоянии, что если нет уверенности, что будут нужные лекарства в необходимом количестве, не имеет смысла делать операции. Что так, что иначе – человек умрет в муках.

Плелся от машины и мечтал только о горячем чае с коньяком. И провал, полцарства за пять часов глубокого сна. Я не успел достать ключи от квартиры. Дверь распахнулась, на пороге стояла Света. У нее было такое белое, потрясенное, перевернутое лицо, что я подумал только об одном. Не просто о Лере, а о том, что с ней случилось самое страшное.

– Лера?! – выдохнул я.

– Нет, успокойся. Лера спит.

Света пропустила меня в прихожую, захлопнула дверь и сказала:

– Егор, это надолго и очень серьезно. Понимаю, как ты устал, но отложить не получится. Я вскипятила чай, приготовила тосты, сейчас налью тебе ванну. А потом... Увидишь сам.

У меня мелькнула догадка. Потом внимательнее посмотрел на лицо жены – и догадка стала уверенностью. Так может выглядеть женщина только после большого человеческого унижения. От женского горя, с которым труднее всего справиться. Как хирург могу сказать, что последствия часто приводят на мой стол.

Я помылся, поел, мы с женой перешли в гостиную. Света плотно закрыла дверь в коридор, перед этим убедившись, что Лера крепко спит в своей комнате.

– Я сохранила видео и вывела на компьютер, – сказала она. – Тут не нужны вступления и комментарии. Я просто включила камеру, когда все началось.

У нас в гостиной и детской установлены сильные видеокамеры. Мы давно их не включали: не было нужды. А понадобились они в такой ситуации. Когда Лере исполнилось три года, Света, по характеру очень активный, неравнодушный и общительный человек, занялась общественной, благотворительной и правозащитной деятельностью. Это все больше затягивало, требовало как минимум трех-четырех часов отсутствия. Бабушек у нас нет. Мы решили брать проходящих нянь по контракту – на определенное количество часов. Но перед этим начитались оба в интернете ужасов о жестоком обращении с детьми, довели себя до паники чудовищными видео «воспитания» нянями чужих младенцев. И нашли единственно возможное решение – скрытые камеры с массой современных функций. Видео сохраняется, передается на компьютер, на смартфон, пересылается в интернет. Вот такое кино жена и начала мне демонстрировать.

Я курил и вжимал себя в кресло, сожалея лишь об одном: у меня не получится провалиться с креслом сквозь землю.

На первых кадрах Света и Катя стоят в этой комнате, на лицах условное подобие улыбок. Катя представляется:

– Меня зовут Екатерина. Я долго думала, Светлана, как вам представиться. Скажу просто и прямо. Я – женщина, которая любит вашего мужа больше всего на свете. А он так же сильно любит меня. Мы с ним близки, по-настоящему, по страстному желанию и духовному родству. Но вы же знаете порядочность Егора: ему очень тяжело признаться в этом вам, причинить боль. В результате он невыразимо страдает. И только мы вдвоем можем ему помочь. В принципе, речь именно об этом. Помочь Егору быть счастливым и не мучиться из-за вины. Скажу вам как женщина: меня бы очень угнетало, если бы мой муж, живя со мной, думал только о другой.

Так безобразно, жестоко, лицемерно и по факту лживо начала Катя эту встречу, которая превратила мою жизнь в пепелище. Они сели в кресла. Какое-то время шла беседа двух мало-знакомых женщин, которые изо всех сил пытаются скрыть главное: жгучую неприязнь друг к другу. Их разговор, бессмысленный, бестолковый, безрезультатный, терзал меня, как лезвие ножа. Я уже хотел выключить запись, удалить видео, разбить камеру, все выбросить в мусорное ведро и забыть о катастрофе по имени Катя. Мысль о близости с существом, способным на такой поступок, приводила меня в содрогание. Но не успел. Тут-то и началось самое главное.

Каких-то минут хватило, чтобы обе женщины утратили достоинство и человеческий облик. Я с недоумением и ужасом смотрел на их искаженные ненавистью лица, слышал грубые слова, ругательства, взаимные оскорбления. Они перешли на «ты», обе вскочили с мест, лица покрылись красными пятнами, в глазах дикая злоба.

– Мой муж тебя уполномочил – так ему помогать? – начала сдавленным голосом Света, явно подавляя гнев. И тут же сорвалась почти на крик: – На свете не осталось бы ни одной семьи, если бы каждая шлюха имела наглость врываться в семейные дома, рассказывала басни о великой любви и обливала грязью чужих мужей. Мой муж – уважаемый человек, известный хирург, порядочный и чистоплотный мужчина. Не знаю, где и как он наткнулся на такую дешевку, как ты, но надежд не давал, это точно.

Нечеловеческий визг Кати оглушил меня.

– Шлюха?! Дешевка?! – вопила она. – Да ты на себя посмотри! Потасканная курица, домашняя наседка, иждивенка. Конечно, ты впилась всеми когтями в человека, который страшным трудом зарабатывает на твою никчемную жизнь. Как ты можешь его отпустить... Я смотрю на твой хищный нос крючком, на алчные когтистые пальцы и понимаю, что ты собираешься держать его, даже если будешь знать, что он умирает от любви к другой и отвращения к тебе. О, я знаю эту еврейскую хватку. Даже если бы не почитала о тебе, Светлана Медальсон, сразу бы поняла, что ты худший образец алчной еврейки.

Такого потрясения, такого жгучего и бессильного гнева я еще не испытывал в жизни. Я спал с нацисткой, антисемиткой? Можно простить себя за случайную связь с хамкой, базарной торговкой. Но это! Как я мог не понять, не заметить? Как я вообще мог? Как что-то шевельнулось в душе и теле? Если бы это было не видео, если бы Катя стояла передо мной, я бы в первый раз в жизни ударил женщину. И окончательным, убийственным аккордом стал последний кадр видео. На пороге комнаты появилась Лера. Девочка смотрела на безобразную сцену, слушала страшные слова. Я видел расширенные, испуганные глаза моей девочки, ее дрожащие губы – мое сердце разлетелось в клочья.

Нет повести печальнее

Печальна не та повесть, в которой два любящих сердца прекращают биться в один миг. То идеальный финал роковой любви. Печально, когда два взрослых человека, заблудившиеся на короткое время в темных зарослях случайной страсти, выходят на открытое пространство не просто чужими людьми. Они выходят врагами.

Егор, получив критическую порцию открытий, последовавших за его милой влюбленностью для вдохновения, но никак не для жизненных перемен, не бросился объясняться с Катей. Ему нужно было время, чтобы справиться с собой. То, что он испытывал, было ненавистью и отвращением. В таком состоянии нельзя вступать в контакт с женщиной, с которой недавно лежал в одной, пусть и чужой постели. Она не виновата в том, что заблуждалась относительно его чувств. Она даже не виновата в том, что такая. Никто не виноват в его слепоте и глупости. Приговор этим нелепыми отношениям нужно вынести спокойно и решительно. А у него дрожали руки, колотилось сердце, мешала смотреть резь в глазах. Она появлялась, когда он вспоминал Леру на пороге комнаты, где разыгрывалась самая чудовищная сцена, которую он видел в своей жизни. А допустить, чтобы такое увидела девочка... Егор не прощал этого и Светлане. Она мать, должна была предвидеть, как-то обезопасить. Завалить шкафом эту проклятую дверь, вытолкать Катю, как только из ее рта полилась грязная брань, окаменеть и молчать самой. Но как он может ей предъявить претензии в такой ситуации. Он же предатель, преступник. А тот факт, что Лера получила этот страшный стресс, для Светы самый главный аргумент против него.

Егор впервые за все время работы отменил операции на ближайшие три дня, сославшись на болезнь. Он провел эти дни с дочкой. Позвонил в ее школу, сказал, что у нее легкая простуда, которую они вылечат дома. Они много гуляли, ходили в кино, ели мороженое. О том, что произошло, Егор сказал дочери коротко:

– В жизни случаются отвратительные, непристойные ситуации. Чаще всего они связаны со вздорными людьми. Это как стихийное бедствие, несчастный случай. Никто не может быть застрахован. Выход один: выбираться из последствий без потерь для себя. Забудь, детка, ту нелепую сцену. У нас все будет хорошо. Мне тоже очень не по себе, но все пройдет, как только я увижу, что ты улыбаешься. Нас всех спасают приоритеты в трудный час. Вот потому я провожу эти дни только с тобой.

Лера опять улыбалась и, кажется, действительно избавлялась от неприятного воспоминания. Детская безмятежность и вера в сильного любящего папу были ей в помощь.

Общение с ребенком растопило ожесточенность и ненависть в душе Егора. Катя стала для него просто нежелательным элементом, от которого нужно поскорее избавиться. Отвращение осталось, и это было гарантией того, что он покончит с ней навсегда.

Через день он подъехал к ее дому, поставил машину в глухом переулке и позвонил: попросил выйти. Издалека увидел, как радостно она к нему бежит. Что ж: это уже известное и привычное обстоятельство. Эта женщина ничего не понимает. Из этого и следует исходить. Он сначала собирался поговорить с ней, сидя в машине. Но, увидев ее, понял, что не вынесет даже такой близости. Вышел, шагнул навстречу и сразу произнес:

– Катя, я просто скажу. И не дам тебе возможности отвечать. Дело в том, что ты не слышишь и не понимаешь слов. Поэтому, когда я уеду, постарайся лишь усвоить доказанные и неизменные факты. Я не люблю тебя, никогда не любил и ничего о любви не говорил. Я пытался тебе объяснить, что между нами все кончено, еще в Варне, но выбирал слишком щадящие выражения. Ты такое не усваиваешь. Сейчас я приехал, чтобы сказать тебе по возможности доступно, без лишних слов. Мы больше никогда не увидимся, и держись как можно дальше от моей семьи. Это приказ.

Катя издала то ли плач, то ли визг, лицо ее стало красным, потом побелело, из глаз брызнули слезы. Она вцепилась Егору в рукав:

– Нет! Нет, ты так не думаешь. Это все она. Она тебе наговорила, она тебя испугала, настроила. Ты не можешь...

– Я могу, – стряхнул он ее руку. – Ты мне отвратительна. Даже такой неадекватный человек, как ты, должен понять, что это все.

Он оттолкнул ее, сел в машину, уезжал, как будто спасался от налетчика. Егора мучило чувство неудовлетворенности. Она, конечно, ничего не поняла, не то почувствовала. Он боялся, что это не конец. Не зря боялся.

Они со Светланой очень старались вернуться к нормальной жизни. Они ни на секунду не могли забыть, что оказались в осаде. После двух дней непрерывной, круглосуточной телефонной бомбежки по мобильному Егора он внес контакт «Катя» в черный список. Согласился с предложением Светланы сменить номер домашнего телефона. На работу стал приезжать на час раньше, договорился с охранником, что будет ставить машину рядом с его будкой, в густых кустах. Просил звонить, если там кто-то появится. Выходил с черного хода. Перед этим уточнял у охранника, все ли спокойно.

Дома молчаливая, по-прежнему ожесточенная жена меняла внутренние запоры на входной двери, установила видеозвонок с камерой и возможностью переслать сохраненное изображение в службу ноль два. Вся эта возня страшно ранила, мучила Егора. Это было доказательство, жестокое подтверждение его человеческой несостоятельности, мужской ущербности. Можно простить себе любую ошибку, но как жить с неспособностью справиться с последствиями? Он еще никогда не думал о себе так плохо. А надо было улыбаться дочери, разговаривать с ней, стоять по целым дням у операционного стола. Жил он в эти дни одной надеждой. Они пройдут по этому туннелю, Катя тоже переживет, изживет свои буйные страсти, устанет, успокоится. Все будет позади. Не забыто, но завалено тяжелыми плитами запрета. И почти получилось. Дней через десять он перестал получать уведомления о том, что на его телефон звонит контакт из черного списка. Домой к ним Катя приходила несколько раз, Света ей не открывала, и она уходила, оценив возможности новой видеокамеры. О литературном объединении Егор не мог вспоминать без содрогания. Даже стихи – любые – вызывали у него протест. О своих страшно вспомнить. Они всему причина. Да, они почти справились. Ключевое слово – почти. В этом почти невозможность нормальным людям оценить неукротимость и непредсказуемость поступков клинического психа, в какого окончательного превратилась Катя.

Однажды, когда Егор вышел из операционной, его сочувственно придержал за локоть заведующий отделением и сказал:

– Я уже отменил на сегодня все твои следующие операции. Не волнуйся, Егор. Соберись и поезжай домой. У тебя кое-что случилось. Я уже позвонил всем, кому нужно. Если что – звони. Подъеду.

Дальше был страшный сон. Машины полиции и «Скорой» у подъезда, кровь на полу квартиры, белое лицо Леры, ее застывший взгляд. Светлану вынесли на носилках. Катю вывели в наручниках. Егор, наверное, оглох от потрясения и боли. Он ничего не слышал, только невероятные, нереальные кадры, как в чужом кино. Его о чем-то спрашивали, он не смог ответить ни на один вопрос. Подписал какие-то бумаги, и его, наконец, оставили в покое.

Он посмотрел на разоренное, истребленное пространство, которое еще утром было домом для его семьи, и острая боль перехватила горло, поползла по груди, взяла в тиски сердце. Он не видел спасения. И подумал об охотничьем ружье, которое когда-то сдуру купил, собираясь приносить добычу своим девочкам, как настоящий кормилец. Да, это выход, потому что он не перенесет ни состоявшегося, ни грядущего горя, а масштабы позора и вовсе не совместимы с жизнью.

Егор очнулся из-за отчаянного, тоскливого и безутешного плача, который доносился из детской. Бросился к Лере. Она лежала на кровати, даже платье ее было мокрым от слез.

– Папа, – прокричала она. – Это я во всем виновата. Это я, папочка!

А потом тяжело, заикаясь и всхлипывая, она рассказала, что случилось.

Лера бежала домой из школы. За оградой двора ее остановила женщина, которую она даже не узнала. Катя была красиво и ярко одета, накрашена, улыбалась. Лере в голову не пришло, что перед ней то самое чудовище, которое скандалило у них две недели назад. Женщина сказала, что она из городского отдела образования и принесла для Леры документы на поездку в Париж по обмену учениками. Очень долго выбирали достойную кандидатуру, единогласно решили, что это будет Лера. Но времени на оформление осталось совсем мало. Поэтому она пришла домой. Документы должна заполнить мама. Только во время рассказа Лера вспомнила, что когда она нажимала на звонок, тетя из образования стояла в лестничном пролете на две ступеньки ниже. Мама не видела ее на площадке.

Короче, Светлана открыла дверь. Катя ворвалась, оттолкнув Леру. Дальше Лера заходила в рыданиях, не могла восстановить последовательность событий. Она помнит, как мама кричала: «Пошла вон. Я звоню в полицию». Света нажала вызов 02 на видеозвонке. Катя кричала еще громче. Лера запомнила слова: «Ты виновата, оклеветала, наговорила, запугала... Я тебя разоблачу, заткну, ты пожалеешь, что родилась на свет». В какой-то момент Света схватила со стола кухонный нож. Она пыталась испугать Катю. Но та вдруг захохотала, притянула к себе Леру и прикрылась ею. Кричала что-то совсем страшное. Светлана бросилась вырывать из ее рук Леру. Они тянули ее в разные стороны. Когда Катя разжала руки, Лера упала, Света отвернулась, чтобы ее поднять. И тут Катя ударила ее по голове мраморной разделочной доской. А когда Света поднялась с окровавленными волосами, Катя, уже в полном безумии, ударила ее ножом. К счастью, у них дома только тупые ножи. Рана оказалась неглубокой.

Потом полиция, «Скорая», Егор, действующий на автомате, на дне отчаяния и страха, принимающий какие-то решения лишь потому, что на него все время смотрят огромные глаза Леры, в которых только вопросы. Глаза, перед которыми было стыдно за трусливую и жалкую мысль о спасительном охотничьем ружье, которое прекратит его эгоистичные муки.

Страницы итога

Через полгода Егор медленно шел в мягких сумерках по Чистым прудам в Москве. Думал сразу обо всем. Самые невероятные, чудовищные события могут привести к желанной перемене. Его давно приглашали в отличную московскую клинику, но он не мог оставить ни свой город, ни своих больных. Он был уверен, что нужен там, как нигде. Но после криминально-семейной драмы оставаться там, конечно, было нельзя. Лера отказывалась ходить в школу. Света после больницы не выходила на улицу.

Что изменилось? Да все. Изменился Егор. Взрослый мужчина, впавший в мальчишеские иллюзии, вернулся к себе. Да, он тогда принял верные решения. Света с трудом, но все же согласилась с его доводами. Они отказались от судебного преследования Кати. Адвокаты подписали мировое соглашение с суммой компенсации за лечение Светланы и причиненный моральный ущерб. Сумма была внушительная, снимающая все вопросы. Егор сразу же написал расписку в получении этих денег и передал адвокату Кати со словами: «Не возьму ни копейки, пусть с этим не пристаёт».

Он принял предложение московской клиники. Потом было время, когда житейские хлопоты на новом месте отодвинули драму их жизней на обочину прошлого.

Отношения со Светланой ровные, партнерские, в меру теплые и совсем без надрыва, к чему он и стремился. Что-то тогда ушло навсегда, значит, так тому и быть.

Умерла ли мечта Егора о блаженном слиянии с нежным, гармоничным, женственным идеалом в облаках любви под переборы серебряных струн? Вот сейчас он себе сказал: нет, она не умерла. Она дает о себе знать в неожиданно высоком дыхании, в ярких лучах красоты, которые вдруг обжигают глаза. Он просто понял, в каких стальных рамках нужно держать свое воображение, чтобы не обознаться, не перепутать. Стихи писать он перестал.

Катя была уволена с работы в день нападения на Светлану. Муж без объяснений ушел в свою коммуналку, из которой и пришел три года назад. С матерью Катя практически перестала разговаривать, пусть у той закончится весь запас оскорблений и обвинений. Рано или поздно надоест. Она вынесла все свои унижения, испытания. Конец им положил Егор. Когда Катя получила от адвоката расписку в получении им денег, которых у нее в помине не было, она облегченно вздохнула. И подумала: «Он все-таки меня любит». И жизнь перестала казаться сплошной пыткой. Она заставила себя выждать два месяца и лишь потом попыталась связаться с Егором. Сразу узнала, что семья уехала из города навсегда. Это был страшный удар. Даже мать смягчилась и хлопотала вокруг кровати Кати, на которой та пролежала почти две недели. Не разговаривала, почти не ела. У нее не было ни одной идеи, ни одной причины, чтобы дальше жить. Но однажды ночью она сообразила: Москва близко, найти там не последнего хирурга, наверное, нет проблем. Утром она начала искать работу. Главное, накопить немного денег.

Неисповедимы пути любви. Счастье людей иногда напрямую зависит лишь от того, что судьба не даст им пересечься.

Воровка

Оля сидела на табуретке посреди хаоса своей новой квартиры, голова чуть кружилась от усталости и запаха свежего дерева и краски. Она – литературный редактор с очень скромной зарплатой – однажды решилась на отчаянный шаг. Влезла в ипотеку и купила квартиру в новом красивом доме. Какие-то деньги, конечно, удалось получить за свою старую однушку в обшарпанном девятиэтажном доме, который влачит необратимо угасающее существование. Оля давно не могла дышать из-за преследующего ее запаха влажного, гниющего подвала, из-за того, что все вокруг нее сыпалось, разваливалось и подлежало восстановлению, как оказывалось, на пару дней. У Оли в жизни была одна святая идея. Она мечтала о своем маленьком, уютном и комфортном жилье. О ровных стенах, безупречных полах, по которым можно ходить босиком, об удобной новой мебели и красивых пустячках для улады глаз. И когда она решилась влезть в кредит, то отказалась от полумера. Она ничего из вещей не взяла с собой на новую квартиру. Только необходимые тряпки и книги.

И вот теперь, сидя на единственной новой табуретке, она мучительно считала. Это, в принципе, самое тяжелое для нее занятие. Хорошо, что на свете живут бухгалтеры и кассиры, они помогают Оле забыть самый ненавистный школьный предмет – арифметику. Но вот пришлось. И Оля справилась с ремонтом, рассчиталась с рабочими. Сейчас сидит со списком самой главной мебели, отмечает на бумаге, какие заказы сделала, что и когда привезут, сколько и кому нужно заплатить.

Боже! Совсем забыла. Сегодня привезут петли и прочую фурнитуру к книжному шкафу, их не было, когда доставили сам шкаф. Значит, курьеру нужно заплатить три тысячи рублей. Оля бросилась пересчитывать свою наличность: опять остались только пятитысячные купюры. А у курьеров никогда не бывает сдачи. Она схватила большую матерчатую сумку через плечо и побежала в ближайший магазин продуктов.

По дороге она привычно отмахивалась от неприятных мыслей: как выплачивать кредит, что, если она потеряет хотя бы на месяц работу, что, если... Такие ужасные «если». Нет, нужно думать о том, что вокруг нее чистота, будет красота и полный, идеальный комфорт.

В магазине Оля купила хлеб, овощи, яблоки, яйца, молоко, пакет с малосольными огурцами, который пришлось упаковать в другой пакет, чтобы не протекли, – в общей сложности девятьсот девяносто пять рублей. У одной из двух касс никого не было. Оля выложила продукты, встретилась взглядом с кассиршей. Это была девушка-мигрантка. Она вежливо поздоровалась, а узкие глаза под припухлыми веками смотрели настороженно и недобро. И лицо кассирши – широкое, тяжелое, с отеками – показалось Оле настолько отталкивающим, что она отвела взгляд и постаралась больше на нее не смотреть. Протянула ей пятитысячную купюру, взяла сдачу, как всегда, не глядя. Отнесла сумку на ближайший стол, сунула деньги в карман сумки, который использовала вместо кошелька, и отнесла на стол. Там повозилась еще с протекающими огурцами, уложила их еще в один пакет. Взглянула на часы, побежала домой.

Когда выложила продукты в холодильник, позвонил курьер, сказал, что вечером не успеет, приедет рано утром. Оля достала из кармана сумки деньги, чтобы положить на видное место три тысячи, и с удивлением уставилась на две тысячные бумажки. Больше ничего в кармане не было. Нельзя сказать, что подобная ситуация случилась с Олей впервые. Любой, кто пренебрегает проверкой и пересчетом денег, знает, как это потом бывает. Обычно Оле легче махнуть рукой. Все равно обвинят ее: считайте деньги, не отходя от кассы, а где вы были потом, и все такое. Противные, унижительные ситуации, легче заплатить за свою ошибку. Но сейчас... Сумма долга, список необходимых трат, капли планируемого дохода... Нет, нужно вернуться.

На пороге магазина Оля растерялась. Она забыла, в какой кассе была. Впрочем, их всего две. За одной сидела женщина-менеджер, снимала кассу. За другой девушка-мигрантка. Оля

сначала смотрела на нее с удивлением: то ли ей показалось, что она выглядит иначе, то ли это не она. Но другой нет. У кассирши было маленькое личико с огромными круглыми черными глазами. Оля все же обратилась к ней.

– Я была у вас только что. Дала пять тысяч. Вы неправильно посчитали и дали сдачу на две тысячи меньше.

Девушка посмотрела на нее удивленно:

– Я вас не обслуживала.

Пока Оля что-то пыталась объяснить, появилась вторая кассирша. Та самая. Оля почти с радостью узнавала крупное, одутловатое лицо, колючий взгляд узких глаз. Но не успела даже рот открыть. Эта девушка сказала непримиримо:

– Я вас сегодня не видела.

Как Оля вынесла долгие минуты тягостного, унижительного испытания, она и сама не знала. Убежать хотелось с первой минуты. Да, нашлись зеваки среди покупателей, и они все вместе с кассиршами и менеджером учили Олю, как и где считают деньги, и объясняли, кем является тот, кто поступает иначе. Вывод коллектива был один: тот, кто зарабатывает, тот дорожит. Но Оля дотерпела до вердикта менеджера: «Лишних денег на обеих кассах нет». И почти с облегчением направилась к выходу. Она с трудом сдерживала слезы. И негромко произнесла, почти прошептала от порога: «В кассе нет, но мы ничего не знаем о карманах».

А на улице ее вдруг сильно схватила за рукав незнакомая женщина. Плотная, коренастая, с грубым и яростным лицом.

– Вот так все уходят, – гневно сказала она. – Эта мордастая меня тоже обокрала. Меньше, правда, но для меня и двести рублей деньги. И я знаю еще трех соседок. Тоже посчитали дома. У кого-то несколько рублей не постеснялась украсть, а у той бабушки они были последние. А ты... Из-за таких, как ты, им все и сходит с рук. Точно они все сказали: наверное, ты деньги не зарабатываешь.

– Что же я могу? – измученно удивилась Оля.

– Да вот, смотри. Как раз машина нашего отделения полиции. Пошли, я знаю вот этого паренька. Это у них какой-то старший. Его зовут Степа Сидоров.

Женщина потащила Олю, как непослушного ребенка. Сама все рассказала за нее толстому молодому мужику с тупым лицом. А дальше все было, как в дурном сне. Полицейские заставили Олю вернуться в магазин. Что там происходило, она не помнила, точнее, не видела сквозь пелену своего ужаса и отвращения. Но девушку с крупным лицом и узкими глазами повели к машине, а Оле сунули какую-то бумагу, чтобы подписала.

– Куда вы ее тащите? – дрожащим голосом спросила Оля. – И в чем обвиняете? Я пришла проверить, но у меня нет доказательств. Я просто просила, чтобы они попытались найти. Деньги могли куда-то завалиться.

Она не помнила, как оказалась дома. Было уже одиннадцать часов вечера. Оля посмотрела на список пропущенных вызовов. Пять раз звонили с одного неизвестного номера. Это, возможно, курьер. Наверное, у него получалось приехать. Но это уже не имело никакого значения. Вся эта ее суета по распределению маленьких денег на большие бытовые проблемы полностью утратила смысл. У нее сейчас одна большая проблема – это полицейская машина, которая увезла несчастную девушку. Слишком охотно ее схватили и повезли на ночь глядя эти сытые и ленивые мужики. Они не искали улик и доказательств. Оля очень далека от контактов с полицией. Кажется, так близко она видела полицейских в деле впервые. Оля имела право не поверить кассирше, но ментам она верила гораздо меньше. В любом случае. И что теперь делать? Что делать с тем, что она чувствует себя выбитой из колеи, из собственной жизни. У нее все валится из рук, в мозгу не держатся мысли. Оля подумала о том, чтобы позвонить кому-то, но было уже очень поздно. У нее нет близких людей, а знакомые примут ее за сумасшед-

шую истеричку. И потом, кто и что может посоветовать в такой странной ситуации? Скажут: они разберутся.

Оля заставила себя принять горячую ванну, выпила стакан теплого молока. Легла правильно под одеяло, ровно подышала, стараясь ни о чем не думать. Так ее учила в детстве бабушка. И сон на какое-то время прилетел. Был он смутным, горячим, тяжелым. Оля проснулась среди ночи в поту. У нее болела голова, ее подташнивало. Сердце глухо и тревожно колотилось. Оля вспомнила о малосольных огурцах в холодильнике и решила, что это ей поможет. Достала пакет, в котором находились еще два мокрых пакета. Начала выпутывать один огурец из влажных нитей укропа и вдруг заметила что-то синее между пакетами. Какую-то бумагу. Оля достала ее непослушными пальцами и какое-то время недоуменно смотрела на слова «две тысячи рублей». Горячей волной накрыло понимание. Это деньги. Она не привыкла еще узнавать новую купюру в две тысячи рублей. Она ее сама потеряла в этих мешках. Она тупая, безмозглая идиотка. Она сумасшедшая истеричка. Три часа ночи! Куда звонить или бежать?! Что они сделали с этой девушкой?

В девять утра Оля, бледная, напряженная, стараясь скрыть внутреннюю дрожь, сидела на скамейке у отделения полиции микрорайона. Они открыли дверь в десять.

Участковый Степа Сидоров слушал ее, зевая и почесывая круглую голову. Он явно еще не совсем проснулся. На пакеты, из которых Оля вынимала мокрую купюру, смотрел с удивлением. Понял, что это деньги, в глазах мелькнуло удовольствие, как у кота, которому показали кусок колбасы.

– Че это ты принесла? Че ты с бабками сделала? Зачем?!

– Это вещественное доказательство, – терпеливо объяснила Оля. – Девушка из магазина ничего у меня не украла. Я сама уронила бумажку в пакет с малосольными огурцами. Теперь держу в холодильнике, чтобы вы все посмотрели, проверили, может, в магазине это можно найти на видеокамере. И, пожалуйста, отпустите девушку, если она еще у вас. Я напишу письменное извинение. Возможна компенсация ей, как там полагается.

Степа откинулся на спинку стула и важно произнес:

– Как у вас всех просто получается. То украла, то нет. А мы должны хватать – выпускать, как бобики. Нет, Ольга Романова, у нас все серьезно. Подозреваемая в СИЗО, дело о кражах в магазине и у частных граждан у следователя Хретинина из районного отдела. Он вызовет вас для показаний. – Внезапно лицо Сидорова приобрело мягкое, участливое выражение. – Но ты эту улику можешь оставить у нас. Я передам. Подержу в холодильнике, чтобы не высохла.

– Спасибо, не нужно. Дайте адрес и телефон этого следователя. Я еду к нему.

– Так у него много других дел. Я ж сказал, он вызовет.

– А я сказала: поеду к нему сейчас. Это срочно и не обсуждается. Разве что с министром внутренних дел.

Ольга слушала свой голос с удивлением. Он никогда еще не звучал так требовательно и уверенно. Оля по жизни была крайне неуверенным и несмелым человеком. Проще говоря, отчаянной трусихой. Но невиновная девушка в тюрьме – этот образ разрывал все ее привычки, границы и представления. Спасти узницу может только она. Она, виновница ее несчастья.

Степа презрительно пожал плечами и протянул ей визитку следователя.

– Как зовут кассиршу? – спросила Оля.

– Фамилия подозреваемой Акаева. Зарина. Понаехали.

Степа с деловым видом взял со стола единственную бумажку и стал ее изучать. Оле сказал, не поднимая глаз:

– Вы свободны, Романова, не мешайте работать. И так столько времени отняла.

Ехать к следователю было недалеко, но очень неудобно. Оля взяла такси. Вооруженная новым опытом, она проходила мимо людей, похожих на истуканов в своих черных одеяниях, уверенно и со словами, которые непременно включали оборот «министр внутренних дел».

Наконец, оказалась перед столом скучного человека в очках с сухими, бледными губами. Он выслушал, даже взглянул на мешки с мокрой купюрой, которая вкусно пахла укропом и чесноком. Достал нужную папку. Почитал. Сначала снял очки, потом уставился на Олю рыбьими глазами, в которых не было ни капли радости от того, что Оля сняла свое обвинение.

– Не знаю, какие у вас соображения, но так не получится, гражданка Романова. Вчера – украла, сегодня нет. Как, по-вашему, мы можем проверить эту малосольную купюру?

Оля посмотрела на визитке, как его зовут, и постаралась произнести очень веско, убедительно и жестко.

– Константин Петрович, насколько мне известно, на этой стадии следствия самое главное – презумпция невиновности. Зарина Акаева невиновна, пока вы не доказали ее вину. Любое сомнение трактуется в ее пользу. А купюру мы найдем возможность проверить. Есть специалисты, – с многозначительным видом добавила она.

– Мммм, – помычал он. – На теоретические разговоры у меня сейчас нет времени. Скажу лишь две вещи. Первая. Кроме вас, есть другие заявители, которые показали, что Акаева их обокрала. Второе. Акаева призналась во всех кражах. Еще из кассы в магазине. Так что будем разбираться и готовить дело к суду. Вы хотите написать отказ от своего заявления?

– Нет! – неожиданно для себя решительно выпалила Оля. – Не сейчас. Я требую очной ставки с Зариной. Я должна понять, в чем дело. Почему она признается в том, чего не делала.

Хретинин начал что-то свое о том, что очные ставки происходят только по его желанию и потребности расследования, но Оля перебила. Речь ее была страстной, решительной, содержала все познания в криминалистике, которые она почерпнула из рукописей. Она несколько раз произнесла слово «требую», а министр внутренних дел, конечно, икал все утро от того, как часто она его поминала. Про себя подумала, что нужно обязательно узнать, как его имя-отчество, и в дальнейшем называть его, как доброго знакомого.

Примерно час после этого Оля сидела в коридоре. А потом ее пригласили в комнату, где была Зарина. Такого жестокого потрясения Оля еще не испытывала. Она, которая совершенно спокойно читала самые кровавые рукописи авторов-детективщиков и редактировала сцены убийств и насилия лишь с точки зрения стиля и грамматики, не могла смотреть на лицо Зарины, желтое, с гематомами и кровоподтеками. И не могла не смотреть. Глаза Зарины почти утонули в опухших веках. В глазах Оли кипели слезы бешенства. Она смотрела на одежду девушки: юбка и ворот водолазки разорваны, на коленях свежие ссадины.

– Что они с тобой делали, Зарина? – спросила Оля.

Кассирша даже не посмотрела на нее.

– Хорошо, – кивнула Оля, – не говори сейчас ничего. Скажу я: ты у меня ничего не крада. Я ошиблась, я все нашла. Я докажу. Зря ты призналась, хотя то, что ты им сказала под пытками, не считается. Имей в виду. Я ухожу. И очень скоро вернусь. Не одна. Я подниму всех. В общем, жди.

Оля направилась к выходу, но Зарина окликнула ее.

– Если можно, попрошу. У меня ребенок у подружки. В магазине скажут, как найти. Скажи ей, что я... Ну чтоб немножко подождала.

– Конечно. Меня зовут Оля. Пишу телефон на бумажке. Спрячь. Если что-то срочное, требуй, чтобы дали мне позвонить. Можешь сказать, что сестре.

Оля пошла к двери, но тут же вернулась.

– Постой минуту, – попросила она Зарину. – Я забыла самое главное. Положено все зафиксировать документально.

И она сфотографировала крупным планом лицо Зарины, отдельно каждый кровоподтек и царапину. Разорванную одежду и синяки на руках и коленях.

Оля вылетела из этой комнаты, опять влетела к Хретинину. Что-то сказала, сама себя не услышала, выбежала, чтобы не расплакаться. На улице пересчитала свои наличные деньги

и остановила такси. Она домашний, кабинетный, канцелярский человек. Придумать что-то может только у стола с компьютером. Точнее, сама она ничего придумать не может, но впервые подумала о своих авторах как о живых, действующих людях. У них в книгах справедливость всегда побеждает. Они должны знать, как это делается в жизни.

Дома Оля выпила очень крепкого кофе и села с телефоном. Прежде всего нужно преодолеть страшную неловкость и робость: как обратиться к таким занятым и фактически незнакомым людям с личной просьбой? И решила для себя: это не личная просьба. Речь о чем-то очень важном и нужном для всех. Оля нашла в списке контактов автора-женщину, которой особенно даются чудесные спасения детей, и набрала номер.

Вероника Анатольевна совсем не удивилась ни ее звонку, ни просьбе. Сбивчивый рассказ выслушала спокойно и внимательно.

– Оленька, – сказала она. – Постарайтесь успокоиться. Вы вступили в контакт с людьми, которые эмоций не знают и презирают их в других людях. Нам нужно выстроить план действий. Вам в первую очередь нужно выполнить просьбу Зарины и узнать, что с ребенком, постарайтесь сообщить об этом матери. Она пока никуда оттуда не денется. А сцена, которую вы сегодня устроили, надеюсь, защитит ее от насилия. Страх перед ответственностью никто не отменял. Не отвечает тот, кого никому не приходило в голову привлекать. А вы теперь свидетель совсем другого преступления. Вот тут начинается еще более темный лес для вас. Но и это не беда. Вы, возможно, удивитесь, но тот частный детектив, который вам знаком по моим книгам, на самом деле существует. Он не такой живописный и не такой герой, но его тоже зовут Сергей. Фамилия только другая. Я попробую сейчас его найти. Если он согласится помочь – позвонит вам.

– Ох, спасибо. Мне даже жарко стало от такой помощи. Я только хотела спросить: сколько это стоит. У меня есть деньги, мне нужно просто их посчитать. Новая квартира, то да се. Раскладываю по разным стопкам.

– Оля, ваши отношения с Сергеем, его время и расходы – это моя инициатива и моя проблема. Это не обсуждается.

– Нет. Я так не могу. Исключено.

– Хорошо, давай так договоримся. Я заключаю договор с Сергеем на наших с ним особых условиях, а мой вклад – это просто плата за сюжет. Как, ты думаешь, я нахожу сюжеты? По-всякому. И так тоже. Я запускаю тебя в свой сюжет как героиню. Что скажешь?

– Я в шоке, – сказала Оля и подумала, что как редактор обязательно вычеркнула бы такую пошлую фразу. Но только она сейчас выражала все.

В магазин Оля не стала звонить, не телефонный разговор, и нужно видеть лица собеседников. С какой стати они по телефону будут говорить, где ребенок Зарины? Они ведь, наверное, все теперь Олю ненавидят. Но поговорила она с женщинами нормально. Если не считать того, что расплакалась. Но, может, это и помогло. Худенькая кассирша с большими глазами дала адрес и телефон подруги Зарины, у которой оставался в тот день ее трехлетний сын Данияр. Эта подруга работала по ночам, поэтому днем брала ребенка Зарины за небольшие деньги.

Оля вернулась домой. Ей позвонил частный детектив, они договорились, что он приедет вечером. Наконец она почувствовала голод, который вернул ее к обычной жизни как будто из какого-то космического полета. Оля открыла холодильник, с ужасом и ненавистью посмотрела на пакет с мокрой купюрой. Огурцы она уже переложила в банку. Приготовила омлет и кофе. Приняла ванну. И перед звонком подруге Зарины задумалась. А что делать, если подруга скажет, что не может больше держать ребенка? Понятно, что ей нужно предложить деньги. Но если она откажется?

Оля села перед зеркалом в спальне. Строго и вопросительно смотрела на свое отражение. Что изменилось в ней со вчерашнего вечера? У Оли было нежное, узкое лицо с мелкими правильными чертами. В нем почти не было красок, только серо-голубые глаза выделялись на

очень светлом фоне между двумя волнами почти белых волос. И ресницы с бровями темно-серые, в противном случае Олю можно было бы считать альбиносом. В этой скупости красок и выражений таилась главная суть Оли. Ее крайняя человеческая чистоплотность, ее отторжение от всего, в чем она не была уверена, что не казалось ей правильным. Оля любила два слова: да и нет. Все, что между ними, – это лукавство и оплот нечестности. После одного неудачного романа Оля твердо решила, что никогда не выйдет замуж. И не только потому, что лишь таким образом можно было исключить разочарование и зависимость, способные уничтожить ее собственную индивидуальность. Дело еще и в том, что Оля была принципиальной чайлдфри – она не хотела иметь детей сама и отказывала в понимании тем женщинам, которые рожали. Давали жизнь детям, которые, возможно, не хотели являться на свет. Не желали страдать, жить без радости, делать несчастными близких. Оля избегала женских разговоров на эту тему, старалась не смотреть на встречных детей, не верила в приторные сюсюканья и всеобщее умиление детьми как таковыми. Это все было между «да» и «нет». И, если снять с темы пелену собственной непосвященности, неопытности, это все находилось ближе к категорическому НЕТ. Дети – люди. Они все разные, несут в себе качества и добра, и зла. Невозможно любить всех подряд только за возраст.

И сейчас ей страшно было даже позвонить. Легче угрожать всем мифическим контактом с министром внутренних дел, чем спросить, как там ребенок, мать которого сейчас в тюрьме. Для него здесь чужбина, у него нет других родственников. Что может Оля предложить, если вторая мигрантка откажется от него?

Но, собственно, время к ночи. Пора решаться. Подруга плохо говорила по-русски, ни о чем не хотела беседовать по телефону. Оля вздохнула и вызвала такси. Через пятнадцать минут была на месте. Старый дом, первый этаж, запущенная, убогая квартира, испуганная мигрантка, которая быстро заговорила, коверкая слова. Но главное Оля поняла. Она не хочет больше держать ребенка. Боится, что ее найдут полицейские, раз мать малыша в тюрьме. А ей это не надо. И вообще она нашла работу и на день.

– И что же делать? – растерянно спросила Оля.

– Я хотела его где-то оставить. Чтобы нашли и отвезли в детдом. Мне нельзя, чтобы кто-то увидел. Но если у тебя машина...

У Оли пылали мозги, понимала она лишь одно: отсюда надо бежать. И взять, конечно, этого несчастного Данияра. Она вошла в комнату и встретила темный взгляд худенького малыша с пухлыми щечками. Он смотрел строго, но без страха. Боялась его она. Подруга Зарины быстро собрала какие-то вещи. Сверху положила детский горшок. Оля содрогнулась. Но протянула руки, и подруга сунула в них теплое, легкое тельце. Они оказались в такси, мигрантка бросила на заднее сиденье пакет и от облегчения искренне улыбнулась Оле: «Ничего. Он хороший».

И вот они в квартире. Мальчик крутит круглой головой, тарашит черные глазки. Оля проверила, понимает ли он по-русски:

– Ты хочешь есть?

– Да, – кивнул он головой.

Оля вспомнила: в магазине сказали, что Зарина родила ребенка уже в Москве. Он, возможно, только по-русски и говорит. Если говорит.

Оля разложила диван в гостиной, притащила все свои одеяла, пледы, подушки и соорудила что-то вроде гнезда с бортиками. Боже, оставить тут или переместить все это на пол? А вдруг упадет. Она забыла спросить, умеет ли мальчик ходить. Бросилась к компьютеру. Три года. Да, должен и ходить, и что-то говорить. Нашла какой-то детский рецепт: яйца, молоко, овсяные хлопья. Это у нее было. Варила, сбивала миксером, попробовала сама – ей понравилось. Данияр открыл рот, проглотил одну ложку и вдруг заплакал, закричал. Оля давала ему

кипяченую воду, молоко, пыталась получить ответ на вопрос: «Почему ты плачешь?» Но он рыдал все громче, все отчаяннее и безутешнее.

Оле хотелось потерять сознание, умереть, провалиться. Она смотрела на него сквозь слезы ужаса, обиды и почти ненависти.

– Что ты так орешь? – вдруг закричала она. – Что ты меня мучаешь? Что мне сделать?!

Малыш вдруг успокоился и посмотрел на нее очень внимательными, серьезными глазами, похожими на черные сливы. А личико еще было все мокрое. И с Олей что-то случилось. Она бросилась к нему, в это гнездо, и крепко сжала крошечные беспомощные лапки.

– Что я натворила! Я тебя испугала. Господи, какой ты маленький, и одни косточки. Не бойся меня, а то я умру от горя. Скажи, что ты хочешь. Я ничего не могу, но я постараюсь.

Это странно, но Оля не чувствовала больше ни отторжения, ни безразличности, ни страха.

Тут в ее дверь позвонили. Пришел частный детектив от Вероники Анатольевны. Он оказался точно таким, каким она его описывала в книгах. Высоким и синеглазым. Сразу понял, что Оле сейчас ни до чего, задал наводящие вопросы, посмотрел на постельца и принял командование на себя.

– Сдается мне, – сказал Сергей, – из нас двоих в этой ситуации именно я могу считаться носителем нужного опыта. Моему сыну было примерно три года, когда жена начала работать. Приходилось во всем подменять. Я тебе скажу как профессионал. Это очень порядочный маленький парень. Он явно хочет на горшок и боится опозориться. Давай мы с ним попробуем с этим справиться, затем я тебе покажу, как детей моют. Потом дашь ему свою бурду: не фонтан, но и ничего страшного, я попробовал. И я тебе обещаю: через полчаса ребенок будет спать. Он страшно устал. И после этого мы нормально поговорим.

У него все получилось как по нотам, у этого почти киношного ковбоя. Они вдвоем послушали сладкое сопение ребенка и ушли в кухню – пить чай и решать невероятные проблемы Оли.

– Можно, я начну с очень личного вопроса? – спросил Сергей.

– Да с любого, – выдохнула Оля. – Я вообще не знаю, что в моем кошмаре может быть не личное.

– Я о панике перед маленьким казахским пришельцем. Редко, но встречался с подобным феноменом. Ты – чайлдфри?

– Так бросается в глаза?

– Очень. Взрослая симпатичная женщина – и такое смятение, паника. Они адресованы именно ему.

– Да, я против. Разве я не права? Как она могла, эта Зарина, себе позволить бросить во враждебный мир такого беспомощного, но уже страдающего человека? Против него сейчас армия козлов в черных робах, следователи Хретинины, предательница-подруга. Против него я, которая предпочла бы быть полностью ограбленной, но не оставаться наедине с чужим, несчастным ребенком.

– Он тебе противен физически?

– Ты знаешь, нет. Как оказалось только что, совсем нет. Даже милый, пахнет воробышком. Глазищи такие красивые. Но меня убивает его беспомощность. И моя еще большая беспомощность рядом с ним. Я сейчас считаю, что весь мир взрослых людей виноват перед ним. Никто не пользовался мозгами, поэтому он родился.

– Хорошо. А теперь давай разберемся с твоим протестом. Ты против того, чтобы безответственно рождались дети, потому что они не выразили такого желания. Но этот Данияр уже есть. Понимаешь? Он дышит, ходит, ест, пьет, вот сейчас сладко уснул. Он испытывает не только страдания. Благодаря тебе он сейчас чувствует покой, тепло и заботу. Пусть на эту ночь. Купи ему завтра игрушку, он заразит тебя радостью, я уверен. Только не выходи с ним никуда. Потом объясню, почему.

– Хорошо. С утра побегу, куплю. Но он у меня точно на одну ночь? – с надеждой спросила Оля.

– Пока будем думать так. Трудно загадывать. Мы сняли одну сложность? Я не начинал делового разговора, пока не прошла паника, с которой невозможно к чему-то подступиться.

– Да, – вдруг облегченно рассмеялась Оля. – Не ожидала, что закаленный в боях частный детектив поможет и уложит у меня чужого ребенка, а потом проведет со мной сеанс психотерапии. Но я не совсем шизофреничка. Все действительно прошло. Можно работать.

– Прежде всего, доложу. Я делом занимаюсь. Мой заказчик Вероника Анатольевна. У следователя был, дело посмотрел. Знакомый адвокат уже подписал с нами и Зариной договор. И главное: дело у Хретинина забирает городской отдел. Молодой следователь Игорь Васильев, он как раз был студентом нашего адвоката Алексея Николаевича. Мы за кумовство и семейственность. Что касается состава и признания. Исключив кражу у тебя, мы все же оставляем в силе часть признаний. Зарина показала и доказала, что у тех заявительниц действительно украла по мелочи – пятьдесят, двести и пятьсот рублей. Отдала все деньги за квартиру, не осталось на питание ребенка. Сказала, что и раньше так поступала. Магазин от претензий к ней отказался, дали нормальную характеристику. И мы поведем дело без фанатизма. Не будем бороться за безусловное оправдание. Сведем ответственность за кражи к штрафу. Нормально?

– Конечно. Я заплачу. Но...

– Теперь о «но». Это и будет нашим главным ударом, который позволит вытащить Зарину с наименьшими потерями. Дело в том, что они уже приготовили множество преступлений, которые можно на нее повесить. Людям, открывшим это дело, совсем не интересно, чтобы кто-то его развалил. Поэтому главная наша работа – расследование по фактам превышения их полномочий, незаконные методы дознания, насилие, причинение вреда физическому и моральному здоровью и прочее. Сразу скажу: это сложно. Это почти не прошибаемо. У нас дела с замученными трупами. И все остаются на местах. Поэтому мы пошли по литературному, скажем так, пути. Вероника Анатольевна нам в помощь. У нее масса знакомых среди правозащитников и интернет-блогеров. Комитет против пыток, «Русь сидящая» и прочее. Конечно, эпизод совсем маленький, и пока ничего страшного. Но есть Данияр, с которым могло случиться всякое. И даже сейчас еще может, не хотелось бы накаркать. Кстати, изнасилования Зарины не было. Следы сексуальных издевательств есть. И мы все это запустим.

– А у меня в телефоне фотографии всех ее синяков и разорванной одежды. Если блогерам понадобится.

– Да ты что! – восхитился Сергей. – Умница. Профессионал. У нас как раз свежих следов и нет. Она, как назло, вполне прилично выглядит. Быстро на ней все заживает. В общем, мы на связи. Завтра с утра к вам с Данияром придут мои мастера. Укрепят входную дверь и установят хорошую видеокамеру. Изучи как следует инструкцию: как делать и сохранять видео, как отправлять. Все оплачено заказчиком.

– Зачем? – в ужасе спросила Оля. – Ты думаешь, ко мне придут?

– К сожалению, ты со своими разоблачениями сейчас самый нежелательный элемент в деле. И у тебя чужой ребенок. Возможны провокации. Держись. Ты не одна. Я всегда на связи.

Проводив Сергея, Оля пыталась себя развлечь, рассматривая игрушки в интернет-магазинах для детей. Сохраняла то, что понравилось, чтобы показать Данияру. Никуда она, конечно, не пойдет завтра. Он так ее напугал, этот приятный в целом сыщик. Лучше считать, что это входит в его технику создания значительного образа. Кому нужна она или этот малыш? Но ночью она, конечно, не спала. Бродила, прислушивалась к дыханию ребенка, готовила на утро продукты для его завтрака. Тряслась и холодела, думая о рабочих, входной двери, грозной видеокамере и о том, для чего все это нужно. Нет, о том, для чего, думать невозможно. Голова расколется.

Но все оказалось не так страшно. Они постучали и посверлили пару часов. Потом продемонстрировали Оле красивую и страшно интересную штуку, которая таила массу секретов. Когда мастер быстро объяснял все это Оле, она, конечно, кивала головой, но поняла мало, запомнила еще меньше. Когда они ушли, попыталась так же быстро нажимать кнопки, но у нее получался совсем не тот результат. Пришлось читать инструкцию. Она Олю очень увлекла. Дело освоения техники пошло быстрее. Оля поняла, как включать запись, сохранять ее и пересылать. Внесла в срочные вызовы телефон Сергея и в адрес для пересылки его же имейл.

– Это что? – раздался за спиной детский голосок.

Оля повернулась, увидела, что от удивления черные глаза заняли пол-лица мальчика, и рассмеялась.

– Это такая игрушка. Мы с тобой тут сидим, а если к нам придут, мы всех рассмотрим сквозь закрытую дверь. И даже снимем про них кино. Потом посмотрим.

– Кино? – потрясенно переспросил мальчик. – Давай.

Оля повела его умываться, питаться. Потом погуляли по балкону, разговаривали. Сказку она ему читала онлайн с монитора компьютера. Днем уложила спать и даже шепнула: «Засыпай, мой маленький Даник». Она сделала это, потому что прочитала: дети успокаиваются от ласковых слов. Они их даже лечат. А результат оказался неожиданным. Малыш уснул, а Оля сама почувствовала странное расслабление. Мелькнула мысль: в крайнем случае пусть останется еще на одну ночь.

Оле захотелось самой поспать, уплыть от всех этих проблем. Пусть их решают профессионалы, раз они появились для ее спасения. Но тут раздался звонок в дверь. Он был таким страшным, требовательным, пронзительно-ненормальным – руку от звонка не отнимали минут пять, – что Оля с ужасом поняла: не пронесло. Сергей знал, о чем говорил.

К входной двери Оля шла на цыпочках, хотя и понимала, что ее пока никто не видит. Но она четко увидела три черные фигуры в ремнях и, кажется, с оружием. Страх мгновенно ее парализовал, в голове не было ни одной мысли. Она просто стояла, смотрела и просила неведомую силу, чтобы они решили, будто дома никого нет, и ушли. Но незваные гости и не думали уходить. Один начал колотить в дверь кулаком, другой ударил ногой.

Оля так же, на цыпочках, ушла в глубь прихожей и позвонила Сергею.

– Что делать? Я не открываю.

– Лучше открой, – сказал Сергей. – Они могут и дверь выбить. Неизвестно, с чем пришли. Открой, но в квартиру не пускай. Мальчика оставь там. Пытайся с ними спокойно общаться. Тяни время, я недалеко. Скоро приеду, по дороге позвоню следователю и адвокату Зарины.

Оля положила телефон в карман халата, вышла на площадку и постаралась плотнее закрыть дверь: она у нее не захлопывалась, только на ключ закрывалась. Она не могла рассмотреть ни одного лица, только черные робы и белые пятна над ними.

– Ольга Романова? Вы почему не открываете? Не потому, что вы прячете чужого ребенка? Сына подследственной Акаевой?

– Что значит – прячу? Я привезла к себе Данияра, чтобы он у меня дождался маму. Ему больше негде быть.

– Вот мы сейчас и решим, где ему быть. И вы расскажете следователю, с какой целью на самом деле привезли его к себе. Вы ему совершенно чужой человек. Все основания для возбуждения уголовного дела.

– А нельзя узнать, с какой целью я могла бы его привезти, кроме той, которую назвала?

– Легко, – толстый мужик даже рассмеялся от удовольствия. – Похищение. С целью продажи, на органы, мало ли еще зачем. Вы нам и уточните. У нас поручение органов опеки об изъятии. Откройте дверь.

Оля прижалась спиной к двери, но один из полицейских оттолкнул ее, и в этот момент в щели показалась маленькая ручка. Данияр молча пробирался к Оле. То, что было дальше, Оля

будет вспоминать до конца дней. Огромная мужская ладонь схватила эту ручку и потащила ребенка на площадку. Мальчик отчаянно сопротивлялся, но еще не плакал. Оля услышала, что кричит именно она:

– Оставьте ребенка, садисты, убийцы! Я его не отдам. Вам придется калечить и убивать меня.

Раздался громкий плач Данияра. Он уже был на площадке, сначала стоял, потом упал, сопротивляясь. Два здоровенных мужика поднимали его, один закрыл ладонью рот. Но тут раздался голос:

– Ребята, отставить. – По ступенькам поднимался еще один полицейский, видимо, старший по званию. – Посмотрите, какая у нее камера, точно включена на запись. Это же провокаторша. Она фотки воровки сделала якобы с побоями. Я уже видел в интернете. Сейчас скидает видео, как мы мучаем бедного младенца, которого она же украла на органы. Потом пойдя докажи. Надо, наоборот, затащить их в квартиру. Там мы с камерой разберемся и сами снимаем.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.